

К предыстории образа Булгакова в романе Курцио Малапарте «Бал в Кремле»

В статье рассматриваются особенности формирования образа М.А. Булгакова в произведениях Курцио Малапарте от публикаций 1930-х годов в газете *La Stampa* до романа «Бал в Кремле» в свете проблемы автобиографизма.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: К. Малапарте, М.А. Булгаков, М.А. Чемишкян, упоминание, черновики, хронология, автобиографичность.

C.M. GIACOBBE

Concerning the origins of Bulgakov's image in Curzio Malaparte's novel *The Kremlin Ball*

This article examines the main features of how Bulgakov's image was developed in the works of Curzio Malaparte, from his publications in the 1930s for *La Stampa* newspaper to the novel *The Kremlin Ball*, paying particular attention to problems of autobiographical writing.

KEYWORDS: C. Malaparte, M. Bulgakov, M. Chemishkian, Mentions, Drafts, Chronology.

В последние годы история знакомства Курцио Малапарте и Михаила Булгакова в Москве в 1929 году, круг их общих знакомых, а также пока еще не получившие убедительного объяснения пересечения в творчестве писателей не раз привлекали внимание исследователей. Главный их мотив — стремление прояснить детали биографии обоих авторов, для которых 1929 год стал во многом знаковым, судьбоносным. Но если для Булгакова, по его собственному определению,

это был «год катастрофы» (попали под запрет все спектакли по его пьесам — как уже шедшие, так и планировавшиеся), то у Малапарте, напротив, начинается успешная полоса: он становится директором авторитетной газеты *La Stampa*, совершает поездку в СССР, откуда привозит материал для своих будущих произведений.

Исследования связей Булгакова и Малапарте развивались по двум основным направлениям, затрагивали творческий и биографический аспекты. Для первого характерно соотнесение отдельных тем и сцен романов «Бал в Кремле» и «Мастер и Маргарита» (размышления о Христе и христианстве, описания балов), а также попытки установить прототипическую связь между Малапарте и Воландом [Медушевский; Рогозовская; Александер-Гарретт]. Авторы биографических исследований концентрировались на времени контактов двух писателей и круге их общих знакомых (в частности, Антоне Пиччине) [Громова; Шапошникова].

При этом уже не раз было отмечено, что автобиографический по форме «Бал в Кремле» «грешит» настолько очевидными фактографическими неточностями (например, посещение автором квартиры Маяковского сразу после самоубийства поэта в 1930 году, — в это время, по всем данным, Малапарте уже не было в СССР), что встает вопрос не просто об ошибках, но о сознательной авторской установке. Из событий собственной жизни Малапарте выстраивает новое повествование, и до конца не ясно, в какой степени можно рассматривать «Бал в Кремле» как достоверное историческое свидетельство. Частично прояснить картину мог бы, например, сравнительный анализ развития одного сюжета или образа в различных произведениях автора. В предлагаемой статье мы проследим упоминания Булгакова в текстах Малапарте, предшествующих «Балу в Кремле», и попытаемся сформулировать некоторые закономерности, по которым строится работа автора с автобиографическим материалом.

Напомним, что Курцио Малапарте приезжал в СССР в качестве корреспондента газеты *La Stampa*. Точные даты поездки неизвестны. Очевидно, он провел в Москве три недели в мае 1929 года. За это время он познакомился со многими политическими и культурными деятелями страны, встречался и с Булгаковым, о чем свидетельствует Л.Е. Белозерская [Белозерская-Булгакова: 90]. Нет сомнений, что Малапарте знал о Булгакове еще до приезда в СССР. Одна

из редких итальянских статей об авторе «Дней Турбиных» этого времени вышла именно в *La Stampa* 1 апреля 1929 года (в первый месяц руководства газетой Малапарте) и называлась «Советский писатель-необуржуа». Автором был известный переводчик и литературовед Этторе Ло Гатто [Lo Gatto], в 1930 году в его переводе выйдет «Белая гвардия»¹ (для полноты представления о распространении произведений Булгакова в Италии в конце 1920-х — начале 1930-х годов упомянем еще «Роковые яйца» в переводе Умберто Барбаро 1931 года²). Так что Малапарте даже способствовал знакомству итальянских читателей с Булгаковым.

Работа над романом «Бал в Кремле» началась в 1946 году, то есть более чем через 15 лет после упомянутой поездки. За это время Малапарте не раз возвращался к увиденному и пережитому в Москве в разных произведениях. В некоторых из них упоминается Булгаков, в других это имя отсутствует там, где его появление кажется мотивированным биографически. Второй случай представляет не меньший интерес, чем первый. Большинство произведений, о которых пойдет речь, не переведены на русский язык.

Свои впечатления о пребывании в СССР в 1929 году Малапарте описывал в статьях, опубликованных сначала на страницах газеты *La Stampa*, а затем изданных отдельным сборником под названием *Intelligenza di Lenin* («Осмысление Ленина»)³. Впервые имя Булгакова появляется в заметке *Nella Russia dei Sovieti. Residui: la nobiltà* («В Советской России. Остатки: аристократия»)⁴, вышедшей уже после возвращения Малапарте в Италию.

Вот в каком контексте там упомянут Булгаков:

Во время спектакля по пьесе Булгакова «Дни Турбиных» в театре Станиславского (то есть в МХАТе. — К.Д.), когда братья укрываются в своем печальном доме в Киеве <...> в последний раз, прежде чем отправиться навстречу смерти, <...> и затягивают хором имперский гимн «Боже, царя храни», по публике проходит протяжный трепет. Когда опускается занавес, <...> пролетарская толпа, зажата в партере, резко оборачивается, чтобы рассмотреть зрителей: сколько красных глаз на этих бесстрастных лицах⁵.

Это описание атмосферы на спектакле «Дни Турбиных» в немного измененном виде войдет в текст «Бала в Кремле».

Еще одно упоминание Булгакова — в статье *Il volto del bolscevismo* («Лицо большевизма»)⁶, также вошедшей затем в *Intelligenza di Lenin* (глава *Panorama*):

Самопожертвование в почете в коммунистическом обществе. Этому есть много примеров в большевистской литературе. <...> Я говорю не только о Блоке, Есенине, Булгакове, Лидине, но и о Демьяне Бедном, о Коллонтай, о Луначарском, о Соцновском, о Маяковском, то есть главным образом об «официальных» писателях Советской России⁷.

В предисловие к книге Рене Фулоп-Миллера так же с названием *Il Volto del bolscevismo* («Лицо большевизма») 1931 года Малапарте включает несколько строк, подобных процитированному выше⁸.

Во всех приведенных примерах Булгаков фигурирует не как знакомый Малапарте, а по случаю — как один из известных современных советских авторов.

Примерно в это же время, то есть сразу по возвращении из СССР, Малапарте пишет несколько произведений, героиней которых под разными именами выступает Мария (Марика) Артемьевна Чемишкиан, актриса, близкая знакомая Булгакова и Л.Е. Белозерской, прожившая у них в квартире на Большой Пироговской улице около двух лет с момента переезда в Москву в 1928 году и до свадьбы с С.А. Ермолинским осенью 1929 года. Чемишкиан помогала Малапарте в работе во время его пребывания в Москве. Между ними возникли близкие отношения, прервавшиеся с отъездом итальянского журналиста. В 1930 году в газете *La Stampa* Малапарте опубликовал рассказ под названием *Donna Rossa* («Красная женщина»)⁹. В дальнейшем он будет включен в сборник *Sodoma e Gomorra* (1931)¹⁰. Марика выведена в нем под именем Таня. Об этом сам автор сообщает в письме другу П. Бессан-Масне (P. Bessand Massenet), отмечая, что все детали описания верны, а выдуман лишь финал сюжета¹¹.

Там читаем:

Вечером я провожал Таню до Никольской улицы и стоял на тротуаре, следя за ней глазами, пока ее мятая шапочка не исчезала в толпе.

Я даже не знал, где она жила, но тот факт, что каждый день она появлялась на Никольской и каждый вечер исчезала на ней, возбуждал во мне подозрения. Эта улица идет через

Китай-город и выходит к Лубянке, где находится здание ГПУ. Я мог бы пойти за ней и проследить, куда она направлялась: но эти подозрения были неприятны мне самому, хотя в Москве ходят странные слухи о девушках, которые встречаются с иностранцами. <...> Где она работала? Чем жила? Я знал, что она одна в Москве: как она жила?¹²

Отметим, что в этом отрывке автор как бы намеренно не упоминает Булгакова (его герой-рассказчик не знает, где Таня живет), однако далее в повествовании он фигурирует, но в совершенно другом контексте: вновь как автор нашумевшей пьесы.

Мы были теперь на Большой Пироговской. <...> В тот вечер, возвращаясь из Новодевичьего монастыря, как обычно проведив ее до поворота на Никольскую, я направился к Театру Станиславского, где шла пьеса Булгакова «Дни Турбиных»¹³.

В этом описании не только упоминается Булгаков, но и приводится несколько деталей его биографии, несомненно известных Малапарте: Большая Пироговская улица, где живут и Марика, и писатель с женой, а также его знаменитая пьеса. Однако связи между этими деталями разорваны.

В архиве Малапарте сохранились творческие записи, относящиеся предположительно к 1929 году. В них можно найти имена людей, с которыми встречался автор в Москве, а также названия улиц, которые появятся в «Бале в Кремле». Но Булгаков там не упоминается¹⁴. Нет его также ни в одном из двух эссе о советской литературе (*La nuova letteratura dei soviet*¹⁵ и *Prigione gratis*¹⁶), написанных Малапарте соответственно в 1930 и 1939 годах. Таким образом, можно предположить, что в тот момент Малапарте по какой-то причине не хотел раскрывать свое знакомство с автором «Дней Турбиных».

Впервые в качестве знакомого Малапарте Булгаков появляется только в 1943 году в книге «Волга рождается в Европе»:

Несколько лет назад я сидел в партере Большого театра в Москве, около оркестровой ямы <...> и смотрел знаменитый балетный спектакль под названием «Красный мак». В то время этот спектакль приводил рабочие массы советской столицы

в восторг. <...> (Я сидел тогда рядом с писателем-драматургом Булгаковым, автором «Дней Турбиных»)¹⁷.

В этой книге Малапарте собрал заметки, опубликованные на страницах газеты *Corriere della Sera*, фронтовым корреспондентом которой он был. Процитированный выше фрагмент — из статьи *Soli con „l'uomo morto“* («Наедине с „мертвецом“»). Она появилась впервые 10 мая 1942 года. В это время Малапарте находился в Финляндии, откуда следил за ходом блокады Ленинграда. Однако в газетном варианте фраза с упоминанием Булгакова отсутствует. Интересно, что рассказ о том же самом событии — посещении автором балета «Красный мак» — есть и в книге *Intelligenza di Lenin*, но и там Булгаков не упоминается. В архиве Малапарте среди заметок, набросков и нереализованных планов, относящихся к 1940-м годам можно также найти отдельные упоминания фамилий Булгакова и М. Чемишкиан, но вне контекста¹⁸.

По мнению Раффаеллы Родонди, готовившей итальянскую публикацию «Бала в Кремле» в издательстве *Adelphi* (на ее основе сделано русское¹⁹), роман вырос из одной главы, первоначально предназначавшейся для другого романа — «Шкура»; она называлась «Чудо в Москве». Малапарте работал над ней ориентировочно в 1946 году, но в окончательный вариант «Бала в Кремле» не включил²⁰. В герое этой главы профессоре К. или Оболенском, враче родом из Киева, живущем на Большой Пироговской улице, угадывается Булгаков.

В числе не вошедших в роман и не опубликованных на русском языке остались еще два эпизода, в которых упоминается Булгаков, и в обоих случаях — вместе с М. Чемишкиан. Начиная с рассказа *Donna Rossa* и заканчивая книгой «Я в России и в Китае» (1958) она появляется в разных обликах и ситуациях. Однако вместе с Булгаковым ее можно обнаружить только в этих черновых сценах «Бала в Кремле». Приводим их здесь впервые в русском переводе:

Однажды с Марикой, моей молодой секретаршей, я посетил Булгакова. Дверь была открыта: мы вошли, громко спросили, как принято у советских людей: «Булгаков, ты здесь?» Стоя на пороге и заглядывая в комнату, я увидел Булгакова на коленях напротив Сони. Мне кажется, его жену звали Соня. Да неважно, звали ее Ирина, Прасковья или Маша. Он стоял на коленях и плакал. Соня сидела на диване, одна рука

в волосах Булгакова, и смотрела в окно суровыми и злыми глазами. И я с большим удивлением заметил, что в ее глазах тоже стояли слезы. Булгаков плакал, и я знал, почему он плачет: «...» он пострадал за свободу, «...» как и другие, пострадал от триумфа коммунизма. «...» Булгаков плакал потому, что ни ум, ни ценность его произведения, ни значение как художника, ни чистота души, — ничто не могло спасти его от подзрения советских властей, зависти менее везучих советских писателей и низкой ревнивой души Демьяна Бедного, придворного кремлевского поэта. «...» От тюрьмы, ссылки, голода его спасла Соня. У нее была страсть к лошадям. Соня каждое утро ходила в большой московский манеж «...». Все в Москве, в литературных кругах, знали историю про Соню и лошадей и посмеивались над Булгаковым²¹.

Куда стреляете, спрашиваю я. — Мы стреляем по Воробьевым горам. «...» Я был там, на Воробьевых горах, прямо над Москвой, напротив Новодевичьего монастыря. «...» В этих лесах я провел несколько дней в июне 1929 года. Я был с Марикой. Ах, Марика Шимишьяни, дочь кондитера из Тифлиса. Сестра была киноактрисой, Марика училась. «...» Как-то в воскресенье мы приехали сюда на автобусе московского театра. Десять автобусов, полные актеров и актрис, статистов, танцовщиков и танцовщиц школы танцев. Я был с Таировым «...», и Булгаков со мной, и его жена — молодая, худая, маленькая, живая жена Булгакова. «...» Мы добрались до деревни, позавтракали в лесу, и вечером автобусы уехали. А я остался там с Марикой на два дня, прямо в этой деревне, спал в большой избе, где совет села предоставил мне место для ночлега. («Черновики об осаде Москвы»)²²

Говоря о «Бале в Кремле», Раффаелла Родонди использует метафору карстовой реки, которая протекает под землей и лишь иногда неожиданно выходит на поверхность. Она вполне подходит для характеристики записок Малапарте о Москве 1929 года в целом.

В случае с Булгаковым следующий подобный выход потока на поверхность произошел в 1954 году, когда Малапарте опубликовал в газете *Il Resto del Carlino* два эпизода из будущего романа «Бал в Кремле»: прогулку с Булгаковым на Пасху²³ с разговором о Христе и христианстве, а также сцены на Смоленском рынке²⁴. Публикация этих эпизодов,

очевидно, была связана с работой Малапарте над фильмом *Il Cristo proibito* («Запрещенный Христос»).

Таким образом, можно констатировать, что до 1940-х годов, до начала работы над романом «Бал в Кремле», Булгаков появляется в произведениях Малапарте ситуативно (как одно из основных действующих лиц культурной жизни советской столицы 1920-х годов). Более того, Малапарте даже не спешит сообщать о своем знакомстве с ним, то ли намеренно скрывая этот факт, то ли оставляя для другого особого случая. Примечательно и то, что Малапарте старательно разводит романтический сюжет о взаимоотношениях с Марикой (выступающей под разными именами в разных произведениях) и сюжет о знакомстве с Булгаковым — не сводя их даже в тех случаях, где это предполагает биографическая канва (примечательно, что два последних приведенных нами эпизода Малапарте в последней редакции из романа исключил). Как собеседник, с которым автор обсуждает важнейшие вопросы (сущность христианства, образ Христа), Булгаков появляется только после смерти, в 1940-е годы.

Примечания

- 1 См. рецензию Леоне Гинсбурга того же года: [Ginzburg] (перездана в кн.: *Ginzburg L. Scritti. Biblioteca Einaudi. Torino, 2000. P. 354–358*).
- 2 *Bulgakov M. Le uova fatali, tr, it e a cura di Umberto Barbaro, Lanciano. Carabba, 1931.*
- 3 *Malaparte C. Intelligenza di Lenin, Milano, Fratelli Treves, 1930.* Сборник не переведен на русский язык.
- 4 *Malaparte C. Nella Russia dei Soviet. Residui: la nobiltà // La Stampa. 10 luglio 1929. P. 1.*
- 5 Цит. по изд.: *Malaparte C. Intelligenza di Lenin... P. 74.* (Здесь и далее за исключением специально оговоренных случаев перевод наш. — К.Д.)
- 6 *Malaparte C. Il volto del bolscevismo // La Stampa. 24 aprile 1930. P. 1.*
- 7 Цит. по изд.: *Malaparte C. Intelligenza di Lenin... P. 134.*
- 8 *Malaparte C. L'Europa davanti allo specchio, prefazione a R. Fülöp-Miller, Il volto del bolscevismo, Milano, Bompiani, 1931, P. VII, VIII.*

- 9 *Malaparte C.* Donna Rossa // La Stampa. Gennaio 1930. P. 1.
- 10 *Malaparte C.* Sodoma e Gomorra, Milano, Mondadori [1931], 2002.
- 11 Archivio C. Malaparte. F. 54/c. 210. Biblioteca di via Senato (Milano).
- 12 Цит. по: *Malaparte C.* Sodoma e Gomorra... P. 39.
- 13 Там же. P. 40.
- 14 Archivio C. Malaparte. F. 197 / c. 908. Biblioteca di via Senato (Milano).
- 15 *Malaparte C.* La nuova letteratura dei sovietici // L'Italia letteraria — La Fiera Letteraria. 30 giugno 1929.
- 16 *Malaparte C.* Prigione gratis // Prospettive. 15 novembre 1939.
- 17 Цит. по: *Малапарте К.* Репортажи с переднего края. Записки итальянского военного корреспондента о событиях на Восточном фронте. 1941–1943 / пер. с англ. А.Л. Андреева. М.: ЗАО Центрполиграф, 2016. С. 219–220.
- 18 Archivio C. Malaparte. F. 197 / c. 909. Biblioteca di via Senato (Milano).
- 19 *Малапарте К.* Бал в Кремле. М.: АСТ, 2019.
- 20 *Malaparte C.* Il ballo al Kremlin. Materiali per un romanzo, a cura di Raffaella Rodondi. Milano, Adelphi, 2012.
- 21 Пер. П. Высоковской. Ср.: «Un giorno ero andato con Marica, la mia giovane segretaria, a trovare Bulgakow. La porta era aperta: entrammo, dicendo ad alta voce, come è l'uso sovietico, «sei là, Bulgakow?». Affacciandomi alla soglia della stanza, vidi Bulgakow in ginocchio davanti a Sonia. Mi pare che sua moglie si chiamasse Sonia, e non importa se si chiamava Irina, o Praskvoia, o Mascia. Era in ginocchio, e piangeva. Sonia era seduta sul divano, una mano abbandonata fra i capelli di Bulgakow, e guardava verso la finestra con occhi duri, cattivi, e io m'accorsi con profonda meraviglia che aveva anch'essa gli occhi pieni di lacrime. Bulgakow piangeva, ed io sapevo perché piangeva. <...> Egli soffriva per la libertà <...> come altri soffriva per il trionfo del comunismo. <...> Bulgakow piangeva perché né il suo ingegno, né il valore della sua opera, né il suo valore d'artista, né la purezza della sua anima di artista, nulla poteva salvarlo dal sospetto in cui era tenuto dalle autorità sovietiche, né dall'invidia degli scrittori sovietici, meno fortunati di lui, né dal basso animo geloso di Demian Bedny, il poeta aulico del Kremlin. <...> Chi lo salvava dalla prigione, dall'esilio, dalla fame, era Sonia. Era la passione di Sonia per i cavalli. Sonia andava tutte le mattine al grande maneggio di Mosca, a montare i cavalli del reggimento di cavalleria rossa. <...> Tutti, a Mosca, negli ambienti letterari, conoscevano la storia di Sonia e dei cavalli, e ridevano di Bulgakow» (*R. Rodondi.* Nota al testo, in *C. Malaparte, Il ballo al Kremlin, Adelphi 2012. P. 331–332*). Частично этот фрагмент цитировался нами в статье «М. Булгаков и К. Малапарте: история „невозможной“ цитаты в романе „Бал в Кремле“» (Михаил Булгаков в потоке российской истории XX–XXI веков. Вып. 5. М., 2017). Приводим его здесь в развернутом виде.

22 Пер. П. Высоковской. Ср.: «Dove sparate, dico io. Spariamo sul Vorobiovi Gori. <...> Ci sono stato sulla Montagna dei Passeri, proprio su Mosca, davanti al Novodievitchi Monastir. <...> Era in questi boschi che io venni a passare qualche giorno nel giugno del 1929. Ero con Marika, oh, Marika Scimisciani, la figlia di una pasticciera di Tiflis. La sorella era attrice cinematografica, Marika studiava. <...> una domenica venimmo qui con un autopulman del dopolavoro del teatro di Mosca. Erano dieci autopulman carichi di attori e di attrici, di comparse, di ballerini e di ballerine della scuola di ballo. Io ero con Tairof <...> e Bulgakow era con me, e sua moglie, la moglie giovane, magra, piccola, viva moglie di Bulgakow. <...> giungemmo al villaggio, facemmo colazione nel bosco, e la sera gli autopulman ripartirono, ma io rimasi con Marika due giorni in quel villaggio, sì, proprio in questo villaggio, dormivo lì, ecco, in quella grande isba, dove mi aveva alloggiato il soviet del villaggio» (*E. Ronchi Suckert, Malaparte*, vol. VI, cit. Pp. 213–214).

23 Il Resto del Carlino. 20 aprile 1954.

24 Il Resto del Carlino. 25 aprile 1954.

Литература

Ginzburg L. Bulgakov M. La guardia Bianca, tr. it. e a cura di Ettore Lo Gatto, Anonima Romana Editoriale. Roma, 1930.

Lo Gatto E. Uno scrittore sovietista neoborghese // *La Stampa*. 1 aprile 1929. P. 3.

Александр-Гарретт Л. О Курцио Малапарте // *Слово*. 2016. 20 фев. (№ 89) // <http://litbook.ru/article/9078/> (дата обращения: 05.11.2020).

Белозерская-Булгакова Л.Е. О, мед воспоминаний. Ann Arbor: Ardis, 1979. С. 90.

Громова Н.А. Сергей Ермолинский между Курцио Малапарте и Михаилом Булгаковым // *Знамя*. 2018. № 5 // <https://znamlit.ru/publication.php?id=6905> (дата обращения: 05.11.2020).

Медушевский А.Н. Как научить демократию защищаться // *Вестн. Европы*. 2002. № 4 // <https://magazines.gorky.media/vestnik/2002/4/kak-nauchit-demokratiyu-zashhishhatsya.html> (дата обращения: 05.11.2020).

Рогозовская Т.А. После «Бала в Кремле» (Булгаков и Малапарте) // *Сборник памяти Рашита Янгирова. Работа и служба / сост. Ян Левченко*. СПб., 2011. С. 287–300.

Шапошникова Н. Булгаков, Марика и Малапарте // *Проза. Ру* 2018 // <https://proza.ru/2018/10/22/1325> (дата обращения: 05.11.2020).